

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Шаравьёвой Ирины Викторовны

«Лингвосемиотика знаков идеографического письма», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 - теория языка

В диссертации И.В. Шаравьёвой представлен оригинальный опыт создания структурно-функциональной модели китайской иероглифики в нетривиальном контексте идей лингвистической универсалии, лингвосемиотики, системологии, логико-философского подхода, глоттохронологии и т.д. Опираясь на широкую парадигму концепций, автор пытается создать целостную теорию, в которой рефреном проходит идея врожденных «атомов» смысла, порождающих все семантическое разнообразие единиц языка.

Китайский языковой тип, неизменно расширяющий представления лингвистики о возможностях языкового варьирования, в работе рассматривается в аспекте особого статуса иероглифики, исходная иконичность которой адресует нас к первоэлементам языка, иероглифические модификации позволяет наглядно представить эволюционные изменения, а таксономический потенциал позволяет выделять единицы специфического уровня - графо-семантического.

Актуальность представленного исследования обусловлена обращением к «вечным» вопросам лингвистики о принципах организации языковых систем, взаимосвязи языка и ментальных структур, различиях восточных и западных лингвокультур.

Новизна работы заключается в следующем:

- введено и обосновано понятие *графомонады* как предельной значимой единицы китайской письменности;
- систематизирован фрагмент пласта китайской иероглифики в монадно-модусном представлении;
- осуществлен лингвокультурологический анализ эволюционных преобразований графомонад, позволяющий описать графо-семантические

корреляции и выявить древнейшие смыслы, конституирующие систему китайской иероглифики.

Достоверность выводов исследования подтверждается презумпцией иерархической организации семантической системы языка, обоснованной исследованиями Р. Декарта, Г.В. Лейбница, Дж. Локка, А. Вежбицкой и др., а также большим корпусом проанализированного материала, включающем около 10 000 единиц древнекитайского словаря Сюй Шэня «Шо вэнь цзе цзы». Важнейшим показателем достоверности является внутренняя организованность текста, эксплицированность, доказательность и последовательная реализация концептуальных установок автора.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в грамматику и синхронную/диахронную семантическую универсалию: описана иерархическая структура китайской иероглифики в системе: *базовые элементы - дериваты, ступени производности, деривация первого, второго, третьего порядка*; обоснована применимость достижений европоцентричной философии и языкознания к материалу китайской письменности; установлена идиоэтническая специфика системной организации китайской иероглифики.

Практическая ценность работы заключается в создании монадно-модусной модели китайской иероглифики, которая, во-первых, может быть применена для дальнейшего описания фрагментов китайской иероглифики, во-вторых, в перспективе, может использоваться в лексикографической практике и при автоматизированной обработке китайского языка. Материалы исследования найдут отражение в курсах «Теория языка», «Сравнительное языкознание», «Когнитивная лингвистика», теоретических дисциплинах китайского языка.

Положения, выносимые на защиту, находят свое отражение в работе. Так, **положение 1** о системной организации семантической стороны знака последовательно аргументируется в первой главе исследования, где описываются гносеологические предпосылки современной универсалии. На мой взгляд, уместен в первой главе также был бы экскурс в системологию Г.П. Мельникова, постулирующего последовательную выводимость понятий

и представлений о мироздании из все меньшего числа исходных понятий и аксиом.

В положении 2 общие семиотические принципы распространяются на иероглифическую систему китайского языка, преимуществом которой является экспликация предельных смыслов в древнейших лексикографических источниках китайского языка. Особый грамматологический потенциал иероглифического знака обосновывается в параграфе 1.8. первой главы исследования, где доказывается иконичность исходных смыслов китайского языка и системоорганизующая роль письменности для языков с идеографическим письмом. Для евроцентрической лингвистической традиции такой вывод может касаться противоестественным. Однако специфика фонетической оболочки китайского слова, характеризующегося развитой омофонией, широкозначностью и диффузностью значения, требует конкретизации, чему служат разного рода системные маркеры (классификаторы, детерминативы иероглифа, повторы и т.д.). С другой стороны, восприятие иероглифических знаков осуществляется по иным механизмам, что было доказано в кандидатском исследовании И.Е. Бобрышевой, посвященной описанию национальной специфики китайского учащегося (1996). Несмотря на многократные призывы к реформированию китайского письма (трудозатратного для учащихся и закрытого для заимствований), переходу на фонетический алфавит, китайская иероглифика живет. Эти и многие другие факты (см. Трофимова, 1999) позволяют предполагать, что в системе китайского языка графическое пространство имеет особый статус.

Положение 3 связывает первые два положения с последующими и устанавливает функциональную значимость авторского термина *графомонада*. Графомонада - ключевой термин, введенный во второй главе, и вся предшествующая часть работы посвящена дедуктивным основаниям выделения этого понятия, последующая - эмпирической верификации сущностных свойств графомонады. Реальность этого понятия подтверждается авторским опытом анализа объемного корпуса китайской иероглифики, позволяющим выявить 42 конститутивных элемента -

графомонады (10 из которых являются высокопродуктивными) и дать их детальное описание во второй главе исследования.

На мой взгляд, в этом пункте поставлен вопрос о специфике уровневой сегментации языков разных типов. В китайском языкознании такая попытка уже осуществлялась А.Л. Семенас, которая предложила выделить специфическую единицу исходного лексического инвентаря языка - первичную лексему (1992). Поиски единиц наиболее точно отражающих специфику семантической организации языков типа китайского представляются закономерными и обоснованными.

Положение 4 о порождающем потенциале графомонад подтверждается эмпирическим материалом третьей главы, описывающей механизмы порождения иероглифических знаков и устанавливающей их продуктивность в производстве дериватов. **Пятое положение** на защиту представляет защищаемую автором целостную монадно-модусную модель, алгоритмизированную в формуле и описанную в параграфе 3.6 третьей главы. **Шестое положение** обобщает материал всего исследования, находит отражение в выводах по главам и заключении работы.

В совокупности положения на защиту полно представляют авторскую концепцию китайской иероглифики как репрезентации иерархической системы смысловой стороны языка в ее монадно-модусном существовании. Авторская концепция последовательно и логично изложена в диссертационной работе, текст написан хорошим языком, схемы достаточно полно и наглядно репрезентируют авторский анализ.

Как и всякое оригинальное исследование, работа И.В. Шаравьёвой вызывает вопросы и замечания.

1. Для сопоставления семантических примитивов и графомонад автор берет список из 36 лексем (с. 99). Однако, как отмечала Е.В. Падучева, «набор примитивов подобен вселенной: он то расширяется, то сжимается: так в "Lingua mentalis" - это точка максимального сжатия, а в Goddard, Wierzbicka 1994 - максимального на сегодняшний день расширения» (Падучева, 1996, с. 11). На конец 90-х годов список семантических примитивов действительно варьировался от 14 до 37. Однако в 2000-х он растет, достигает 60 единиц и более (см. например, работу 2012 года «Универсальные семантические

примитивы как ключ к лексической семантике (сфера эмоций)»); каждая единица детально анализируется А. Вежбицкой на предмет включения ее в ЕСМ.

В связи с этим у меня несколько вопросов: почему для анализа был взят список именно из 36 лексем? является ли список из 42 графомонад окончательным или он так же, как и список А. Вежбицкой, будет еще уточняться в ходе дальнейшей верификации? какую цель преследует представление на сс. 79-81 списка примитивов А. Вежбицкой на китайском языке?

2. С чем, по мнению автора, связано большее совпадение при сравнении графомонад со списком М. Сводеша, чем при сравнении графомонад с примитивами А. Вежбицкой? На мой взгляд, когнитивный статус графомонад, утверждаемый автором, предполагает большее сходство с единицами "Lingua mentalis" А. Вежбицкой.

3. Продуктивность графомонад отражена в 16 схемах. Некоторые из них, например, □ kōu (схема 7, с. 138) связаны с одним знаком, другие, в частности 人 rén - с более, чем тридцатью (схемы 1-4, сс. 117-132). Всего анализу было подвергнуто 10 тысяч знаков, и в заключении автор отмечает, что 42 графомонады «порождают весь пласт иероглифических знаков китайской письменности» (с. 157).

Мне очевидно, что представить в кандидатской диссертации весь систематизированный корпус китайской иероглифики невозможно. Однако в таком случае необходимо уточнить: какой именно фрагмент был взят для описания? Ограничивается ли производность графомонады единицами трех ступеней деривации или их гораздо больше? С чем связано включение в список из 10 продуктивных графомонад таких знаков, как □ kōu, обнаруживающих высокую продуктивность только в деривации "третьего порядка" (см. терминология с. 116)?

Представляется целесообразным показать лексическое "расширение", используя количественные данные. Кроме того, в отличие от словообразовательных цепочек в гнезде, количество дериватов графомонад на каждой последующей ступени должно превышать количество дериватов предыдущей ступени, иначе как может быть структурирован весь пласт

иероглифов? Однако эта тенденция прослеживается далеко не во всех схемах.

4. Одним из значимых результатов исследования является авторская формула монадно-модусной модели: $f(\text{Mon}_n \text{Mod}_n) = D_k$, исчисляемая на основе порядковых номеров монады, модуса и деривата. Список графомонад действительно представлен и за каждой можно закрепить определенное место в "алфавите" монад. Однако типология модусов отсутствует. Автор отмечает их вариативность и неуниверсальность, называя при анализе лишь отдельные: модусы редукции, сложения, изменения и др. Однако как при такой неопределенности может "работать" представленная формула или все-таки единый список модусов существует? Наблюдались ли совпадения модусов в разных дериватах, образованных от одной графомонады? Не считает ли автор уместным ввести в качестве дополнительных параметров формулы степень деривации и номер порядка (первый, второй, третий)?

5. На мой взгляд, неуместной в данной работе является неоднократная апелляция к уровневой иерархии Э. Бенвениста (с. 40, 67). Уровневая иерархия является функциональной, иначе говоря, постулирует функциональное усложнение языковых единиц: от фонемы к предложению. В работе же речь идет только о номинативных единицах в аспекте изоморфизма структурной и семантической простоты/сложности.

6. В качестве замечания также отмечу в некоторых случаях не совсем удачную терминологию: *семантическая родовитость* (с. 90), которая выступает в качестве сущностного свойства графомонады и понимается автором как «способность порождать новые знаки языка» (ср. *родовитость* от *родовитый* 'принадлежащий к аристократии'). Термин *валентность* используется в работе в значении 'деривационная продуктивность', в отличие от традиционного 'способность слова вступать в связи с другими элементами'.

Высказанные замечания не снижают общей оценки представленного диссертационного сочинения как оригинального исследования, вносящего вклад в теорию языка, а вопросы и замечания подчеркивают актуальность и сложность решаемой автором задачи.

Результаты исследования прошли необходимую апробацию. Семь публикаций по теме исследования раскрывают положения, выносимые на защиту. Автореферат диссертации достаточно полно отражает ее содержание.

Сказанное позволяет утверждать, что диссертационная работа Ирины Викторовны Шаравьёвой «Лингвосемиотика знаков идеографического письма» соответствует требованиям к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, сформулированным в п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г., и паспорту специальности 10.02.19 - теория языка, а ее автор заслуживает искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Официальный оппонент:

Кандидат филологических наук, доцент,
научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Алтайский государственный
гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина»

Трофимова Ульяна Михайловна

Почтовый адрес:

659333, Бийск, ул. Короленко, 53,
управление научно-исследовательской
деятельности
тел. +7(3854) 416438,
e-mail: umt2005@rambler.ru



13 июня 2017 г.